

КАМРАН ИМАНОВ

**ЗАМЕТКИ О
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ**

Баку – 2016

Камран Иманов

Председатель Агентства по Авторским Правам
Азербайджанской Республики

Заметки о мультикультурализме. Баку, 2016

2016 год объявлен Президентом Азербайджана, господином Ильхамом Алиевым как год мультикультурализма. Политические решения, опирающиеся на волю руководства страны по формированию современного мультикультурального общества и уходящая вглубь веков традиция толерантности азербайджанского народа обеспечили ситуацию, в которой «мультикультурализму альтернативы нет».

Настоящее исследование осуществлено в Агентстве по Авторским Правам Азербайджанской Республики в рамках мероприятий, посвященных году мультикультурализма.

**© Агентство по Авторским Правам Азербайджанской
Республики, 2016**

Заметки о мультикультурализме

I.

Известно, что мультикультурализм довольно разнородное явление. В научных и общественно-политических дискурсах, несмотря на свою кажущуюся культурную предопределенность, он довольно часто перемежается с этническим содержанием. В разных странах мультикультурализм понимается как идеология и политика, и как социальная технология. Вместе с тем наиболее важно то, что прогрессивная значимость мультикультурализма следует из его постоянного поиска интеграционного начала в национальном обществе в сочетании со взаимным признанием, толерантностью и равноправием всех культур и народов страны. Социальная стабильность и благополучие, и тем самым устойчивость развития, в свою очередь, следуют из осознания обществом этого стремления к интеграции.

Президент Азербайджана господин Ильхам Алиев предельно четко и лаконично сформулировал азербайджанскую модель мультикультурализма: «... сила каждого общества в его религиозном и национальном разнообразии... Конечно, для этого нужна традиция, но и одновременно должный уровень государственной политики. Оба этих фактора имеют место в Азербайджане» и «Мультикультурализму альтернативы нет».

И действительно, в мультикультуральной политике Азербайджана органически переплетаются два фактора – обоснованная мультикультуральной безопасностью политическая воля руководства

страны и уходящие вглубь веков толерантные традиции азербайджанского народа. Государственные решения в поддержку культурного разнообразия при этом не способствуют культурной фрагментации и не противоречат универсальным ценностям общественной интеграции. Компромисс же достигается, поскольку интересы сторон не противоположны друг другу, это не игра с нулевой суммой, а коалиционная игра, в которой многостороннее сотрудничество, кооперация и обмен информацией, одним словом, эффективные формы диалога приносят сторонам пользу. Во-вторых, выработка политических решений исходят из признания факта взаимодействия культуры как «культурного разнообразия» с обществом, социумом в рамках некоей сложной системы. Здесь рост разнообразия в социуме, являющимся верхним уровнем, всегда приводит к ограничению разнообразия на нижнем уровне – уровне культуры. Рост же разнообразия на нижнем уровне – уровне культуры уменьшает культурное разнообразие верхнего уровня, т.е. социума, что чревато увеличением энтропии или неопределенности системы в целом. Однако рост энтропии в системе приводит к нарушению фундаментального принципа теории информации и управления – «закона необходимого разнообразия» Эшби. Выходит, что либо надо дожидаться в течение длительного временного интервала, когда потенциал саморегуляции культуры, регулируя содержание энтропии в системе приведет к восстановлению желательного баланса и приспособит социум к новым условиям существования. Или же надо принимать адекватные государственные решения, включая и те,

которые опираются на традиции, где ключевыми являются вопросы сохранения культурного наследия, исторической памяти, культивирования национальной истории, этнической, национальной и культурной идентичности. Что касается мультикультуральных традиций азербайджанского народа, то в отличие от западноевропейских стран, где мультикультурализм оказался следствием необходимости интеграции иммигрантов в принимающее общество, в Азербайджане мультикультурализм – образ жизни, исторически поддерживаемого всеми насельниками этой древней земли. В азербайджанскую нацию входят все народности, населяющие нашу республику, и все они являются азербайджанцами. Этническая толерантность и религиозная терпимость – очевидные следствия длительного совместного проживания и бывших, а также нынешних верований насельников. На протяжении тысячелетий азербайджанские турки являлись государствообразующим этносом, азербайджанский язык столетиями был языком межэтнического общения. Да и сами турки-азери этнически формировались на базе доминирующего тюркского массива с вплетением в него других этнических субстратов – кавказского и иранского. Возник уникальный этнический мир, впитавший культурные нормы и ценности этих пластов, столетиями накапливался культурный капитал интегративного единства и сохранения культурного своеобразия, именуемого ныне мультикультурализмом. Это и наше достояние, и наше огромное преимущество. Традиции – такое прошлое, без которого у настоящего нет будущего. И одной из таких традиций

азербайджанского народа является традиция мультикультурализма, бережно и умело управляемая государственной политикой Азербайджана.

II.

Заметим между тем, что лидерами трех ведущих европейских стран Германии, Великобритании и Франции объявлено о крахе мультикультурализма, выпячена его «противоречивость», хотя и не подвергнута сомнению сама необходимость мирного сожительства представителей разных культур в одном государстве. Следовательно, и провал мультикультурализма в Западной Европе, в первую очередь, подразумевает ошибочную политическую стратегию, неадекватную государственную парадигму по организации и взаимодействию этнических расовых, религиозных и культурных общин в единой стране, приведшую к мультикультуральной дезинтеграции. Это, видимо, означает, что и принятая на вооружение формула «интеграция без ассимиляции», следовавшая из результатов теоретических изысканий, таких как модели «жесткого» (профессор У.Кимлик) и «мягкого» (профессор Ч.Кукатас) мультикультурализма, соединением которых и был «интегрированный» мультикультурализм проф. М.Вевьерка, не выдержали испытания временем. Балансирование между полюсами «исключения» и «включения» мигрантов в культурный контекст, задуманное как смягчение их адаптации, оказалось безуспешным. В частности, сравнение двух моделей интеграции – «британской», ориентированной на ценности

плюрализма (учет расы и этичности), и «французской» - направленной на республиканские ценности (игнорирование различий) оказалось примерно одинаково неуспешным. Вне зависимости от форм публичной риторики – плюралистической или интеграционистской, мультикультурализм был объявлен несостоявшимся. Возникает естественный вопрос, почему? Полагается, что успех интеграции в этих случаях определялся множеством объективных и субъективных факторов, приоритетными из которых являются социально-экономические. Стало быть, речь идет не столько о мультикультурализме, который не состоялся, сколько о разрешении проблем, связанных с иммиграцией, проблем социальных, а не «переведенных» в культурную плоскость за счет мультикультуральной риторики.

Остановливаясь на мультикультуральном будущем, отметим, что в современном научном и политическом дискурсах по проблеме нации и мультикультурализма одним из наиболее значимых является тезис о том, что развитие национальных обществ будет проходить под знаком мультикультурализма (Ю.Хабермас). И это, невзирая на то, что на фоне глобальной интеграции национальные государства утрачивают свои позиции по защите национальной экономики, обеспечению своими силами экологической безопасности, усложняются вопросы энергетической безопасности, внутренняя и внешняя политика. И, тем не менее, в политических границах государства по-прежнему будет важно сосуществование, взаимодействие и сотрудничество разных этнических и культурных сообществ. «Нация как форма существования государственно-политической общности с т.з.

мультикультуральной перспективы развития и далее будет сохранять свое значение» (Huchbuer, Richter).

Известно, что в условиях глобализации современное национальное государство в целях социальной стабильности, с одной стороны, должно обеспечить свой суверенитет или защищать себя, а с другой стороны – должно утверждать принципы различия или обеспечивать равновесие сил. Подобная необходимость во внедрении мультикультуральной идеологии особенно важна в исторических национальных государствах и обусловлена как имеющимися национальными меньшинствами, ущемление прав которых стимулирует этнонационализм, так и возможными этническими группами иммигрантов, ратующих за этнокультурный плюрализм принимающего их общества (Shell). Другими словами, потенциальная опасность эскалации этнонационализма и сепаратизма, а также поддержание идеи этнокультурного сообщества, противостоящего ассимиляции меньшинств – являются важнейшими вызовами утверждения мультикультуральных принципов. Главным из них является принцип введения всего многообразия социальных отношений и конфликтов в правовое поле государства через его активные, посреднические, результативные функции. Тем самым стабильность современной нации и ее отличие от этнической группы проходит через действия государства. В связи с этим, ответ на вопрос: будет ли международная государственная система радикально меняться путем дробления и увеличения числа небольших политических образований или будет определяться в границах крупных национальных обществ, признающих и

поддерживающих свой мультиэтнический и мультинациональный характер, получает свое естественное разрешение. Согласно многим исследователям (Э.Хобсбаум и др.) мультикультуральный выбор современных национальных обществ обусловлен тем, что «культурный плюрализм и свобода в наше время почти наверняка надежнее гарантированы в крупных государствах, сознающих и признающих свой многонациональный характер, нежели в мелких странах, которые стремятся к этнолингвистической и культурной однородности».

Таким образом, мультикультуральные перспективы развития стран требуют учета, во-первых, модели мультикультурализма «иммигрантских» обществ (что не типично для Азербайджана, невзирая на огромный поток беженцев и вынужденных переселенцев в связи с агрессией Армении) и во-вторых, когда основную массу населения страны составляют не группы, сформировавшиеся в результате миграций, а народы, имеющие свои исторические этнические территории, язык и культуру. И в этом случае, существует некоторое общее научное мнение, что из методологии мультикультурализма полезное применение могут иметь концепции социальной интеграции, основанные на толерантности и признании.

В связи с изложенным категории «государство», «нация», «национальное общество», «идентичность» будут иметь принципиальное значение, на чем мы и остановимся ниже.

III.

В мультикультуральной политике одним из необходимых индикаторов интеграционных тенденций является динамика и соотношение идентичностей – гражданско-национальной, этнической, локальной, общецивилизационной. И здесь, в первую очередь, важно сопоставление гражданско-национальной идентичности с ее другими формами. Особое значение гражданско-национальной идентичности вытекает из того, что «нация как форма существования государственно-политической общности с т.з. мультикультурального развития, и далее будет сохранять свое значение» (Huchner, Richter).

Термин «идентичность», обязанный своим широким использованием в социально-гуманитарных науках благодаря трудам американского психолога Э.Эриксона, прочно вошел в лексикон культурологии с 70-х годов XX века. Однако, он не имеет своей категориальной ясности. Идентичность признается как фундамент любой личности, позволяющий человеку определить свое место в социокультурном пространстве и тем самым ориентироваться в окружающем его мире. Другими словами, индивид реализует свое право выбора идентичности или самоидентификацию. Человек может быть носителем целого набора культурных идентичностей – гражданско-национальных, этнических, религиозных, цивилизационных, профессиональных и согласно С.Хантингтону «... в современном мире ... культурные идентичности занимают центральное место». Одни из идентичностей для человека более значимы, другие менее, и тем самым структура идентичностей человека имеет иерархию, в которой они могут переплетаться, а со временем, вообще

говоря, и изменяться. В науке принято мнение, что в целом идентичность является устойчивым образованием, подчас не рефлексивируется его носителем, а представляет собой свидетельство укорененности его носителя в мире.

Таким образом, идентичность, есть присущее человеку свойство обобщенно представлять свою принадлежность к тем или иным общностям, а в качестве своих компонент подразумевает самоидентификацию, представление о своей группе (образ «мы»), представление о языке, культуре, территории, прошлом «государственности». Культурная идентичность (этническая, национальная, религиозная, цивилизационная) является базисом государства-нации. Именно представление об общем для всей общности прошлом, о единстве исторической судьбы позволяют сохранить свою культурную «особость» до тех пор, пока национальная идентичность ставится выше классовых, конфессиональных или региональных отличий и, благодаря этому, и существует нация.

Еще Эрикссон, исследуя структуру идентичности, выделял в ней позитивные и негативные элементы. Если идентичность строится по схеме «я / мы не такие-то», то она опирается на отрицание, неприятие какого-то социального объекта и / или тотальное противопоставление «нас» «им» и тем самым является негативной. Следующие негативной идентичности обычно очень агрессивны по отношению к воспринимаемым как «чужие» общностям.

К примеру, армянство, у которого «мы» необходимо предполагает оппозицию с «они», уповает на исключительность, особость и

«многострадалность» и приводит к этнической чистке. Здесь идентичность – консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим «они», т.е. тем, кто имеет иной образ жизни, язык и культуру, иные экономические, политические, религиозные и др. интересы и цели, ценности и имидж. Что касается позитивной идентичности, то следующие ей не рассматривают свое окружение как априори враждебное, стремятся в межгрупповых отношениях найти компромисс и достигнуть консенсуса, акцентируя черты сходства, а не отличия, общность, а не навязывание своего интереса другим.

Отметим также, что личность в процессе самоидентификации может ориентироваться как на настоящее, так и на будущее и, наконец, и на прошлое. Ориентация на настоящее связывается с осознанием, в первую очередь, себя гражданином конкретного государства (членом определенной профессиональной группы и класса). Ориентируясь на будущее в идентификации, индивид несет чаще всего религиозную или политическую смысловую нагрузку, обусловленную стремлением к достижению каких-то универсально значимых, идеальных целей. Ориентация на прошлое актуализирует этническую идентичность, в т.ч. и мифологизированную и которая базируется на реальных представлениях, а возможно и на мифологемах об общности происхождения верований и традиций. В последнем случае типичным примером является современное армянство. И здесь важно подчеркнуть, что ориентирующиеся исключительно на прошлое должны помнить, что это только одна сторона этнической национальной идентичности, другой же

является общий национальный интерес, причем действительный, а не навеянный территориальными претензиями, исходящими из надуманного прошлого. Поэтому, чтобы продолжить совместное существование в рамках национальной традиции, необходимо принимать общие решения в отношении настоящего и будущего.

Подчеркнем, что идентичность большинства людей носит сложный, составной и многоуровневой характер, причем сочетание этих уровней идентичности не всегда гармоничны. Здесь важен индивидуальный выбор идентичности, а не давление на нее группового. Так, в модели «индивидуальной свободы и культурного выбора» известного ученого, лауреата Нобелевской премии Амартии Сена «культурная свобода – это предоставление индивидам права жить и существовать в соответствии с собственным выбором, имея реальную возможность оценить другие варианты». Тем самым, исследователь ратует за постепенное ослабление групповых форм идентификации и перехода к индивидуальному выбору. В главе I из «Резюме Доклада ООН о развитии человека» за 2004 год, А.Сен отмечает, что «идентичность – это не игра с нулевым результатом...», «чем больше одного вида самобытности, тем меньше другого» и, поэтому правильнее говорить о множественной идентичности. К этому добавим, что множественная идентичность по аналогии с нечеткими множествами подразумевает не наличие или отсутствие какой-то из них, а присутствие каждой из них в той или иной мере.

Замечательны и мысли и другого известного ученого проф. Сейлы Бенхабиб, которая указывает,

что только индивид вправе идентифицировать себя с той или иной социальной общностью, с той или иной культурой, и если взамен самоидентификации это осуществляется принудительно, то это уже не мультикультурализм. По ее мнению, институционализация культурных групп, подменяет личную идентичность идентичностью групповой и способствует возникновению в западных обществах качественно новых политических групп, основывающих свои притязания на культурной особости их членов («Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эпоху»).

В связи с мигрантскими проблемами на Западе звучат призывы к единой «национальной идентичности» и будет нелишне напомнить, что в используемых концепциях мультикультурализм сопрягается с редуционизмом, в связи, с чем одна из идентичностей должна превалировать над другими и выступать в качестве критерия для организации общества в группы, имеющие четкие различия. Возможно, это и правильно, что в отсутствие доминирующей идентичности будет происходить мимикрия национального государства в государство этнокультурных диаспор. Однако, именно в условиях, когда именно группа (меньшинство) становится носителем идентичности и происходит ее обособление, если следовать системному анализу, происходит изоляция общин, а определение идентичности, сохранение своеобразия для индивидов осуществляется не добровольно, а под давлением общины. А это приводит к противоречию с правами людей, с принципом равноправия. И это уже не мультикультурализм, а скорее коммунитаризм, возрождение которого в

Европе, и отмечают специалисты. И в этих случаях вполне закономерно проявление «закона Хансена», сформулированного еще в 1930 годах, согласно которому «иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений». В связи с изложенным, неслучайны и сегодняшние теоретические поиски новых стратегий культурной политики.

Переходя к отдельным формам идентичности, прежде всего отметим, что этническая идентичность имеет наиболее устойчивый и значимый характер для большинства людей, поскольку она не связана с выбором индивида (как правило), а задана с рождением, родным языком и культурным окружением, определяет стандарты поведения и самореализации личности. Другими словами, этническая идентичность для многих есть само собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии.

Ряд исследователей полагают, что в современную эпоху этническая идентичность обычно понимается как национальная идентичность и употребляют их как синонимичные понятия.

Отчасти это верно, поскольку понятия «этнос», «этничность», являются базовыми для этнической классификации, а нация зачастую определяется как государственная форма этнической общности людей. Однако различие в том, что не в пример этносу, нация не дается фактом рождения, а определяется усилиями и выбором личности. Тем самым нация – государственная, социальная и культурная принадлежность индивида, а не его этническая и антропологическая определенность. Справедливости ради, тем не менее, отметим, что известны

исторические случаи, когда этническая принадлежность выбиралась, менялись этнонимы и границы этнических общностей, исчезали и возникали вновь этносы.

Частным случаем этнической идентичности является региональная этничность, выделяемая через территориальные общности, имеющие разные уровни: город, регион, крупная территориальная структура, причем регионы могут иметь как формальную, так и неформальную структуру. Отметим очень важную закономерность, связанную с самоидентификацией и выявленную при соответствующих опросах. При наличии сильных центробежных сил, идентификация в первую очередь носит локальный, т.е. региональный / этнический характер, а затем гражданственно-национальный, а при преобладании центростремительных сил – сначала с гражданственно-национальной принадлежностью, а затем с региональной. Этническая идентичность и ее частные случаи характеризуются как локальные идентичности.

Перейдем к пониманию национальной, национально-государственной (или общенациональной, гражданской, гражданско-государственной) идентичности и ее связи с идентичностью этнической.

Прежде всего, отметим, что в социальных и политических науках сохраняется положение о «дихотомии» процессов нациообразования (нациогенеза). Согласно одной из них, нация – это этнос (Икс! Здесь правильно «основанная на этносе как базисы совокупность»), а согласно другой, нация – совокупность всех граждан государства, всё его население. Если не исходить от оригинального

представления этноса у Гумилева, то первый тип правильнее именовать как этнокультурный (например, немецкая нация), а второй- политический (например, французская нация). В связи с этим и полагают, что существуют две формы нациогенеза: «государственно-центрированная» и «культурно-центрированная» и основанием такого их деления являются сущностные различия между категориями «нация» и «государство». Однако верно и другое: таких идеал-типических форм нет, на практике они пересекаются: дополняют друг друга. Таким образом, два пути конструирования нации (этническая, культурная и политическая) накладываются друг на друга и не являются разделенными и обособленными процессами. Нация, как форма существования государственно-политической общности с т.ч. мультикультуральной перспективы развития и далее сохранит свое значение (Huebner, Richter). В европейском научном и общественном дискурсах нация – как в политическом, так и в этнокультурном вариантах соотносится с идеей гомогенности.

Отметим, что нация как культурная общность в полной мере возникает только в границах национального государства, т.е. культурная общность приводит к политическому утверждению. Вместе с тем возможен и вариант, когда в рамках национально-государственной общности с течением времени возникает единая для всех ее членов культурная идентичность. Способы формирования такого народа – уничтожение меньшинств, массовые этнические чистки, геноцид, ассимиляция и навязывание религии, культуры и языка большинства (Kymlicka). Так было в той или иной мере, к примеру, отношении государства к национальным и

этнокультурным меньшинствам в Западной и Северной Европе, которые уже к началу XX в. имели очень высокую степень национальной гомогенности. Это важно и сегодня для анализа современных процессов реидентификации и наглядным примером является Армения.

Однако, на историческом фоне различие между государствами Западной Европы и Восточной Европы заключается в том, что западные национальные общества уже вступили в стадию постнационального развития, тогда как восточноевропейские страны переживают этнизацию («балканизация» или «ливанизация») своих национальных обществ.

В странах Восточной Европы научная категория «этнос» превратилась в мировоззренческую, в связи с чем понятие нации как этносоциального организма, продолжает оставаться господствующим.

Следствием этого явился факт, что новые государства в этих регионах стали переживать острые межэтнические конфликты, которых не знали западные и северные регионы Европы. Таким образом, возникновение национальных государств в Южной и Восточной Европе по западноевропейскому образцу, где политика внутренней гомогенизации населения достигла значительных успехов прежде, чем возникло национальное государство в его современном понимании, стало основной причиной последующей этнической конфликтности и нестабильности их обществ (Muenkler). При этом, согласно Ю.Хабермасу, это «возврат в прошлое». Поэтому опасен тезис, что «национальное единство вырастает из этнических целостностей, а сама нация,

национальное государство понимаются как «завершение национального бытия», как «достижение политически удачливых этнических групп».

В связи с изложенным подчеркнем несколько важных моментов. Во-первых, распространенная до недавнего времени установка на то, что в условиях модернизации и глобализации произойдет замещение этнической идентичности – национальной не подтверждается: обе они по-прежнему сосуществуют, а зачастую конкурируют как две формы групповой идентичности: для одной решающим фактором является культурная общность, а для другой – политическая (государственная).

Наряду с этим считается, что у населения современного (национального) государства должна быть единая идентичность. Однако отсюда не следует, что все граждане должны принадлежать одной и той же этнической группе. В качестве примера еще раз выделим страны Западной Европы, в которых национальная идентичность во многих случаях является политической (гражданской), а не этнолингвистической. А вот в странах Восточной Европы и на территории бывшего СССР распространено представление о том, что нацию формируют, прежде всего, этнические и культурные факторы (общий язык, традиции, обычаи, религия и т.д.).

Во-вторых, отметим, что национальная идентичность не тождественна понятиям гражданства или национальности. Гражданская идентичность (а также государственно-гражданская, национально-гражданская идентичность) – чувство принадлежности к общности граждан конкретного

государства. При этом в мононациональном государстве (или при подходе к нации как к согражданству) гражданская идентичность эквивалентна национальной идентичности.

Подчеркнем, что этническая идентичность – фактор формирования этнических групп и их социальных связей. Национальная идентичность – важнейшее средство легитимации и делегитимизации политической власти.

Отметим, что часто при опросах выявляется принадлежность к стране. Дело в том, что в поликультурных и полиэтнических обществах термин «страна» несет смысл политический, государственно-образующий, т.е. «страна» - эквивалент термина «государство».

Идентификация со «страной» означает наличие общенациональной идентичности и существование «общей» нации. Именно государство выступает как важнейшая категория стабильности нации, а также индикатором ее отличия от этнической группы.

Таким образом, принадлежность стране или выбор национальной идентичности является стержнем, которому в определенной степени противостоит локальная (этно, региональная) идентичность. Прежде чем рассмотреть сочетание «локальная идентичность – национальная идентичность» и степень их взаимовлияния, остановимся на идентичности «мир».

В эпоху глобализации к уже определенным на уровне национальных государств коллизиям идентичностей (локальных, региональных, этнонациональных, гражданско-национальных, религиозных) добавляется и противоречие,

связанное людьми конкретной страны (гражданами) с теми индивидами, которые считают себя «гражданами мира», т.е. противоречие между индивидами, рассматривающих себя как патриотов своей страны, религии или этносоциальной общности и носителями идентичности – «граждане мира». В науке общепризнанного определения идентичности «гражданин мира» не имеется. Вместе с тем таковым может считаться человек, высшим приоритетом которого считается решение общецивилизационных проблем, вопросов, касающихся всего человечества или его большинства. Таких, к примеру, как экономические, общегуманитарные, включая мультикультуральные, защиту человеческих прав, изменении модели глобализации и многое другое.

Данные опроса 2009 г. в 45 странах, в которых проживает 2/3 населения Земли (несмотря на необходимость определенной осторожности к этим данным), показывают, что в среднем 66% людей, в первую очередь считают себя гражданами своих государств, а 10% в первую очередь воспринимают себя как граждан мира. Однако 20% сочетают приверженность общечеловеческим ценностям с национальной идентичностью. Отсутствие противоречия между национальной идентичностью и планетарной связывается со странами, где большинство граждан в принципе согласны с приводимой правящими кругами политикой и считают ее в основном отвечающей как интересам решения глобальных проблем современности, так и национально-государственным интересам. По мнению многих исследователей со временем будет расти число сторонников «мирового гражданства». Вместе с тем ряд исследователей полагает, что при

этом будет нарастать и конфликт цивилизаций. К примеру, С.Калл, директор аналитического центра «Уорлд паблик опинион» полагает, что число людей, обладающих ментальностью «гражданина мира» будет возрастать по двум причинам. Во-первых, судя по данным опросов, доля людей, относящих себя к «гражданам мира» больше среди молодежи, чем среди пенсионеров (в среднем по миру соответственно 34% и 24%), а со сменой поколений тем самым широта кругозора будет возрастать. Во-вторых, распространение международного туризма: среди тех, кто посетил зарубежные страны доля «граждан мира» намного больше, чем среди «домоседов» (соответственно 47% и 29%).

А почему в данном контексте стоит вопрос конфликта цивилизаций? По мнению Т.Каротерс, одного из руководителей Фонда Карнеги идентичность «граждан мира» сложилась в странах Запада, хотя и получила некоторое распространение и в незападных странах. Однако, западные ценности в незападных странах в последнее время вызывают нарастающее неприятие. Это подтверждается и социологическими опросами. Так, в исламских странах, граждане очень далеки от восприятия приоритетности, культивируемых на Западе глобальных проблем современности. В исламских странах на вопрос о том, с какими ценностями они себя идентифицируют, получены ответы: с исламскими – 39%, с гражданством своей страны – 32%, с арабской солидарностью – 25%, со статусом «гражданин мира» - 4%. Примерно также распределились и ответы на вопрос, на базе каких интересов должна проводиться государственная политика. Выходит, что становление идентичности

«гражданин мира» в незападных странах, поддерживаемое военно-политическим и информационным давлением стран Запада, образованием национальной элиты способно стимулировать и углубить конфликты в мировом развитии государств Востока (Китай, Индия, страны исламского мира), рожденные их культурой и традициями подхода к решению глобальных проблем приобретут общепланетарное значение. Тогда их влияние на формирование идентичности невосточных стран возрастет (что и происходит). Отсюда конфликт идентичностей в странах Запада.

IV.

Вопросы сопряженности национальной и этнической, региональной или локальной идентичностей играют важную роль в системе национальной идеологии. Здесь возникают важные и сложные вопросы:

а) Какова перспектива развития национального общества, если в его границах региональная, этнорегиональная идентичности доминируют над идентичностью общенациональной?

б) Следует ли укреплять региональную идентичность в ущерб общенациональной или стоит задуматься над тем, как учесть интересы регионов и территориальные идентичности рассматривать как достояние, стабилизационный фонд общенациональной идентичности?

Ответа однозначного нет, необходимы сложные исследования. Но уже сейчас с известной долей уверенности можно говорить о том, что общенациональная идентичность может

существовать только на основе комплекса национальных политик, в рамках которых региональные идентичности обретут свои осмысленные и эмоционально окрашенные новые конфигурации.

Вместе с тем следует отметить, что в поисках ответов на поставленные вопросы, необходимо представление о соотношении, формах взаимосвязи и взаимообусловленности категорий «нация», «государство» и «идентичность», а также как можно четких определений этих категорий. Прежде всего, подчеркнем, что речь пойдет о понимании идентичностей в широком смысле, другими словами, об иерархии идентичностей – национальной, региональной, локальной, социальной, этнической, культурной, ранговое положение которые различно в структуре индивидуальных и групповых идентификаций. Важно также адекватное отображение механизма взаимного перехода, пересечения, дополнения и взаимного отрицания идентичности этнической, этнокультурной и национальной. Разнообразие способов определения и манифестирования категории «национальная идентичность» затрудняют его определение. Однако, как минимум при его конструировании имеют значение как примордиальные факторы, такие как исторические, территориальные, культурные и языковые, так и политические границы, в которых этот процесс происходит. Хотя и на практике не существует отчетливо заданного набора признаков для определения и формирования национальной идентичности. Когда анализируются нации, национализм, опираясь на категории «нация», «государство», «идентичность», то первое

направление заключается в том, что предполагается полное совпадение, логическое соответствие или, по меньшей мере, пересечение терминов «нация», «государство», «национальная идентичность». Тогда доминирующей категорией анализа становится «государство», институциональная задача которого есть постоянная поддержка этого соответствия имеющимися в распоряжении средствами. Хотя и заметим, что такое «соответствие часто выступает как прямое тождество этнокультурной гомогенности и, соответственно, связано с ассимиляционистской идеологией давления «национального большинства» на «меньшинство».

В рамках этого направления есть несколько интегративных стратегий (их три):

а) Устранение этнических и региональных различий, обособленности групп населения за счет идеи формируемой общности. Недопустимость возвышения этнических и культурных меньшинств до уровня нации, меньшинство только сегмент общности и подчиняется требованиям национальной гомогенности, в первую очередь, включая язык, повседневную культуру, стратегии поведения. Укрепление у разных групп населения осознания своего единства, общности, основанной на идее сопричастности. Но при этом есть риски: «слабость меньшинств в борьбе за свое признание вынуждает их занимать репрессивную позицию» (Habermas).

б) «Разрушение» этнокультурных особенностей региональных и локальных сообществ населения, представления о региональной и локальной независимости или «самодостаточной» автономности устраняются посредством формирования и пропаганды общегосударственной

национальной идеологии, противостоящей идеологии сообщества. Национальное единство укрепляется созданием единой экономической и финансовой системы, налоговой и социальной политики, «среднего стандарта» уровня жизни.

в) Создание в границах нации общего культурного и духовного фундамента, формирование нации – государства как период ее «мифологизации», институциональной гомогенизации национальной культуры. К примеру – определенные архитектурные стили по территории государства, создание национально значимых природных заповедников, сохранение исторических памятников культуры, их манифестация как национальных в произведениях искусства, поддерживаемых духовных традициях, общность истории нации. Другими словами, культурные региональные особенности, как правило, в той или иной мере сохраняются, но приобретают статус общенациональных.

Эта стратегия считается наиболее перспективной. Полагается, что в случае, если традиция государственности не обеспечивает укрепления национального единства, чувства сопричастности к национальному обществу всех групп населения на локальном и региональном условиях твердым и устойчивым каркасом, локальная и региональная идентичность редко перерастала в общенациональную (Хобсбаум).

Второе направление опирается на несовпадение, дисбаланс между нацией, государством и идентичностью. Понятие «народ» согласуется с понятием «этнос» и центральным становится путь этнонационального развития. Такие тенденции сильны там, где правительства слабы, а

поиск социальной, культурной, этнической, гуманитарной безопасности переносится на уровень сообщества. Известная этнокультурная сегментированность таких национальных обществ способствует развитию дезинтегративных тенденций.

Подобные стратегии развития характерны для групп меньшинств, «национальное неэтническое» большинство которых либо имеет собственное национальное государство (см. Нагорный Карабах), либо имеет статус нации, «влиятельной» этнической группы в границах другого государства (см. Армению). Границы такого государства для стабильности и само государство для устойчивости нуждаются в некоем обруче. Таким обручем является национализм.

Образование современного национального государства по сравнению с традиционным обществом на социальном и культурном уровнях вызывает потрясения с т.ч. перераспределения идентичности, как индивидуальной, так и коллективной, поскольку идет приспособление к новым социальным отношениям. При этом кризисное состояние возникает в двух случаях: либо угроза разрушения уже существующей идентичности, либо при ее отсутствии как общегруппового феномена в политически организованных коллективах. Более того, известно, что отсутствие или слабость общественной идентичности ведет к созданию новой идентичности, но уже на региональном или субрегиональном уровне [Raschke]. Отсюда и волны национализма, охватившие бывшие социалистические страны. При этом расцвел этнонационализм, прикрываемый риторикой «этнокультурного возрождения», сопровождаемый

усилением этнополитического, этногосударственного обособления на региональном уровне и провоцирующим конфликты.

Один из выводов: отказ от идеи гомогенной нации по западноевропейскому образцу исторически оправдан, поскольку этнокультурная будущность национальных, этнических и др. меньшинств имеет больше перспектив в мультикультуральном обществе, определяющим себя через внутренний культурный и этнический плюрализм.

Подведем некоторые итоги по теоретическим аспектам идентичности, исходя из концепции мультикультурального общества.

1. Анализ показывает, что важно иметь ввиду тесную связь мультикультуральной политики, концепций мультикультурализма и идентичности населения в разрезе устойчивости, социальной стабильности полиэтнических обществ и национально-государственных образований. При этом в дискурсе важны также и вопросы сопряженности национальной и региональной и локальной идентичностей в системе национальной идеологии. А главная цель сводится к пониманию тенденций развития, способов, механизмов, характера и объемов самоидентификации населения для их логичного включения в общенациональную идентичность.
2. В системе национальной идеологии идентичность занимает весьма важное положение, т.к. от ее характера, состояния зависит не только сохранение социальной стабильности общества, но и

жизнеспособность национального государства. Речь идет в первую очередь о характере национальной идентичности и степени ее сопряженности с иными формами и уровнями самоидентификации на групповом уровне. Развитие этносоциальных процессов в странах Восточной и Западной Европы в последние годы свидетельствует о том, что индивидуальная, групповая, региональная и общенациональная идентичности приобретают новую конфигурацию взаимной сопряженности, которые не всегда соответствуют ожиданиям национального государства. Решение задачи стабилизации (социальной) общества перспективно на принципах политики взаимного признания, толерантности и равноправия всех культур и народов страны, т.е. методологии и идеологии мультикультурализма. При этом, примордиальное видение общей этничности населения как основы государства не соотносится с идеей мультикультурального общества [P.Diqer: Deger P. "Ethische Grenzziehungen...." в ст. "Kollektive Identitgt in Kriesen", 1997].

3. В мультикультуральном обществе – стране локальная идентичность, в т.ч. этноидентичность вытесняется национально-государственной идентичностью. Здесь социальная стабилизация общества достигается политикой взаимного признания, толерантности и равноправия всех культур и народов страны (т.е. методологией и идеологией мультикультурализма). Отсюда

следует главный вывод: Правильная мультикультуральная стратегия государства в качестве индикатора имеет постоянно растущую национальную (общенациональную) идентичность населения страны и при этом уменьшающуюся (по крайней мере, не увеличивающуюся) локальную (региональную, этническую) идентичность. Наряду с этим мультикультуральная политика страны наряду с общенациональными интересами, ставящая задачи общечеловеческих ценностей, сочетающая в себе приоритеты важнейших цивилизационных проблем, способствует увеличению доли граждан, признающих себя «людьми мира», оставаясь при этом и в рамках общенациональной идентичности.

V.

В настоящей заключительной части, мы воспользуемся данными всемирного проекта “World Values”, проанализируем идентичности, их сопряженность и постараемся показать их роль в мультикультуральной политике (ЮНЕСКО, база данных “World Values”, 2008). Подчеркнем, что по утверждению известного теоретика информационного общества М.Кастельса глобализация и идентичность выступают двумя символами современности, силами, которые структурируют только что рождающийся мир.

Проект, на данные которого мы опираемся, был осуществлен на протяжении ряда лет в 76 странах мира, и его основная задача сводилась к выявлению путем опроса, к какой географической

группе по идентичности относят себя респонденты-жители опрошенных стран. Своими ответами опрошенные могли осуществить самоидентификации в трех группах (общностях) идентичности: «локальной» (община, регион, этническая), «страна» (национально-гражданственная) и «мир» (общецивилизационная). Сформулированный вопрос был следующим: «К какой из этих географических групп вы, по вашему мнению, прежде всего, принадлежите – к локальной (общине), стране или миру». Исследование подтвердило, что во многих странах мира люди заявляют о своей множественной идентичности. При этом память и ценности различных групп, народов и обществ в многокультурном массиве играют ведущую роль в определении их идентичности. Несомненно, что множественность идентичностей может приводить к определенному их столкновению, вызвать и определенную напряженность, однако, как следует из анализа, она же может стать движущей силой для нового национального единства, основанного на понимании социальной сплоченности, как интеграции разнообразия ее культурных компонентов.

Проводимый нами анализ опирается на бесспорный научный факт – соотношение или сопряженность идентичностей по каждой отдельно взятой стране, а именно локальной (община), национально-гражданственной (страна) и общецивилизационной (мир), коротко триада «община-страна-мир» исключительно важно с позиций анализа мультикультуральных тенденций. Наряду с этим определенную роль играют и абсолютные значения соответствующих идентичностей в сравнении их со средними общемировыми значениями.

Наряду с этим учитываются следующие соображения:

а) абсолютные показатели идентичностей «страна» и «мир», как правило, чем более высокие, тем они более предпочтительны с позиций мультикультуральной тенденции, а абсолютный показатель идентичности «община» чем меньше, тем более желателен исходя из тех же позиций. При этом сопоставление может осуществляться наряду с абсолютными и со средними значениями.

Основанием для этого соображения является то, что малое значение идентичности «община», как правило, свидетельствует о незначительных центробежных силах относительно значения идентичности «страна» (тем более, если идентичность «страна» имеет значение выше общемирового среднего значения), а большое значение идентичности «страна» указывает на сильные центростремительные тенденции, т.е. локальная идентичность, будучи малой, подавляется гражданско-национальной идентичностью. Сказанное имеет смысл для поли(много)этнических стран и

теряет смысл для моноэтнических, где локальная (этническая) идентичность по сути является гражданско-национальной.

б) с мультикультуральной точки зрения важную роль играет значение гражданско-национальной идентичности «страна», его отношение и отклонение (модуль) по сравнению со значениями идентичности «община» и «мир», т.е. дробь «страна : община» и разность «страна» минус «община» и а также отношение «страна : мир» и разность «страна минус мир». Чем больше дробь и разность «страна / община» и «страна минус община», тем сильнее граждане объединены вокруг центра, т.е. интегрированы как нация в своем государственном образовании и тем меньше их приверженность к локальным, в т.ч. этническим группам (полиэтническое государственное образование) и тем сильнее в стране интеграционизм мультикультурального развития.

Чем меньше дробь «страна : мир» и разность «страна минус мир», тем большее число граждан не видят противоречия между гражданско-национальной идентичностью и восприятием себя в качестве «граждан мира». Как правило, это следует из того, что большинство граждан страны в принципе согласны с политикой правящих властей, считая ее в основном отвечающей как интересам решения глобальных общецивилизационных проблем, так и национально-государственным интересам и это в определенной степени является также свидетельством мультикультурального развития.

в) анализ вторых статистических моментов (среднеквадратические отклонения и ковариации) позволяет сделать выводы относительно разброса

подвыборок «община», «страна» и «мир», а также относительно взаимовлияния этих подвыборков друг на друга.

Общемировые средние значения идентичностей распределяются в виде:

Община	49%
Страна	41%
Мир	8%

с размахом вариации, т.е. отклонения максимального значения от минимального соответственно (79, 91, 78).

Расположив данные обследования по возрастанию значений идентичности «страна» и «мир» и по убыванию идентичности «община» можно получить ряд интересных результатов.

В целом только 38 стран из 76 имеют уровень идентичности «община» (локальный) ниже среднего его значения в 49%. Высокая идентичность «община» в странах Западной Европы (свыше 50%) может быть объяснима двумя факторами. Во-первых, ЕС, представляющий собой конфедеративное устройство, допускает представления граждан отдельных стран, входящих в него как этнически государственных образований, и тем самым локальная (этническая) идентичность, возможно, оказывается преобладающей. Во-вторых, проблемы с «провалом мультикультуральной политики» в этих странах, по-видимому, сделали более отчетливым выделение локальной (этнической) идентичности, тем более, что к современному этапу государства Западной Европы пришли через этноцентрирующее начало. В таких развитых поликультурных странах

как Швейцария, США и Канада идентичность «община» несколько ниже (соответственно 38%, 38% и 39%), но при этом остается достаточно высокой. Для сравнения отметим, что у Азербайджана этот показатель один из самых низких в мире – 24%, в то время как у Армении – 38%.

Это первое свидетельство мультикультурального развития Азербайджана.

Только 35 стран из 76 имеют уровень идентичности «страна» (гражданско-национальный) выше среднего уровня в 41%. При этом только у 15 стран из 76 уровень идентичности «страна» равен или превышает 55%. Для сравнения укажем, и показатели таких поликультурных стран как Канада 46%, США 40%, Швейцария 41%. Указанный показатель в Азербайджане один из самых высоких в СНГ – 55%, а в Армении 51%.

Это следующее свидетельство азербайджанской мультикультуральности.

Совместное значение двух показателей идентичности – «община» - «страна» в Азербайджане и Армении (соответственно значения (21%, 55%) и (38%, 51%)) показывает, что **мультикультуральная тенденция в Азербайджане несопоставимо превосходит соответствующие показатели Армении, а именно в нашей стране при признании и сохранении локальной идентичности достигнута значительная интеграция.**

В 33-х из 76 стран значение идентичности «мир» превосходит среднее значение в 8%. Только в 5 странах этот показатель не менее 21% и при этом в Швейцарии 21%, США – 22%, а в Канаде – 15%. В Азербайджане этот показатель равен 21%, а в Армении 11%.

При высоком значении идентичность «страна», высокий уровень идентичности «мир» свидетельствует о том, что власти страны, осуществляя мультикультуральную политику, одновременно ставят и общецивилизационные задачи, с которыми и согласны граждане указанной страны. Наглядным примером и является Азербайджан, что является косвенно очередным свидетельством его мультикультуральности.

Заметим также, что другим косвенным свидетельством мультикультуральной традиции Азербайджана является примерно равные низкое значение идентичности «община» (24%) и высокое значение идентичности «мир» (21%) при высоком значении идентичности «страна» (55%).

Это заключение подтверждается и последующим анализом сопряженности идентичностей.

Только 17 из обследованных стран имеют показатели идентичности «община» ниже среднего, «страна» и «мир» выше среднего, т.е. одновременно удовлетворяют 3-м введенным критериям для анализа мультикультуральных традиций.

№	Названия страны	Община	Страна	Мир
1	Австралия	38%	50%	12%
2	Азербайджан	24%	55%	21%
3	Аргентина	39%	50%	11%
4	Армения	38%	51%	11%
5	Венесуэла	37%	49%	14%
6	Грузия	31%	57%	12%
7	Зимбабве	38%	53%	9%
8	Канада	39%	46%	15%

9	Кыргызстан	33%	54%	13%
10	Мексика	40%	42%	18%
11	Нидерланды	43%	47%	10%
12	Новая Зеландия	32%	59%	9%
13	Турция	40%	49%	11%
14	Уганда	32%	60%	8%
15	Уругвай	28%	60%	12%
16	Чили	40%	50%	10%
17	Южная Африка	38%	52%	10%

Анализируя приводимую таблицу с т.з. соотношения и разности значений идентичностей в системе «страна-община», получим, что наибольшее значение имеет пятерка стран с соответствующими показателями – **Азербайджан (2,29; +31)**, Уругвай (2,14; +32), Уганда (1,88; +28), Новая Зеландия (1,84; +27) и Грузия (1,83; +26).

№	Названия страны	Община	Страна	Отношение	Разность
1	Австралия	38%	50%	1,316	12
2	Азербайджан	24%	55%	2,29	31
3	Аргентина	39%	50%	1,28	11
4	Армения	38%	51%	1,34	13
5	Венесуэла	37%	49%	1,32	12
6	Грузия	31%	57%	1,83	26
7	Зимбабве	38%	53%	1,39	15
8	Канада	39%	46%	1,18	7
9	Кыргызстан	33%	54%	1,64	22
10	Мексика	40%	42%	1,05	2
11	Нидерланды	43%	47%	1,09	4
12	Новая Зеландия	32%	59%	1,84	27

13	Турция	40%	49%	1,26	9
14	Уганда	32%	60%	1,88	28
15	Уругвай	28%	60%	2,14	32
16	Чили	40%	50%	1,25	10
17	Южная Африка	38%	52%	1,37	14

Аналогичный анализ в системе «страна-мир», показывает, что наименьшее значение с т.з. соотношения и разностей идентичностей имеют Мексика (2,33; +24), **Азербайджан (2,62; +34)**, Канада (3,07; +31) и Венесуэла (3,50; +35).

№	Названия страны	Страна	Мир	Соотношение	Разность
1	Австралия	50%	12%	4,17	38
2	Азербайджан	55%	21%	2,62	34
3	Аргентина	50%	11%	4,55	39
4	Армения	51%	11%	4,64	40
5	Венесуэла	49%	14%	3,50	35
6	Грузия	57%	12%	4,75	45
7	Зимбабве	53%	9%	5,89	44
8	Канада	46%	15%	3,07	31
9	Кыргызстан	54%	13%	4,15	41
10	Мексика	42%	18%	2,33	24
11	Нидерланды	47%	10%	4,70	37
12	Новая Зеландия	59%	9%	6,56	50
13	Турция	49%	11%	4,45	38
14	Уганда	60%	8%	7,5	52
15	Уругвай	60%	12%	5,00	48
16	Чили	50%	10%	5,00	40
17	Южная Африка	52%	10%	5,20	42

Таким образом, как следует из сопоставления этих двух таблиц, единственной страной, встречающихся в обоих списках, причем с лидирующими показателями является Азербайджан (делит I-II место с Уругваем по соотношению и разности в системе сопряженности идентичностей «страна-община») и I-II место с Мексикой в системе сопряженностей «страна-мир». При этом показатели Азербайджана являются не только лидирующими, но и наиболее сбалансированными. Приведенный анализ соотношения (сопряженности) идентичностей подтверждает сделанный ранее на основе абсолютных и сравнительных со среднемировыми значениями идентичностей вывод об успешной мультикультуральной традиции и политике Азербайджана.

Такими статистическими моментами приводимой выборки являются как среднеквадратическое отклонение в каждой из подвыборок (страна, община, мир), выражающие разброс данных и ковариация (а также коэффициент корреляции), отражающие связность этих подвыборок.

В частности, полученные значения среднеквадратического отклонения в приводимом ниже виде, в целом свидетельствуют о достаточной репрезентативности обследования.

Страна	Община	Мир
16,2	16,3	10,4

Данные по ковариации и коэффициенту корреляции подвыборок, приводимые ниже, указывают на

существование сильной отрицательной связи «страна-община» и наличии определенной отрицательной связи «страна-мир» и «община-мир».

	Страна-община	Страна-мир	Община-мир
Ковариация (cov)	-209	-50	-65
Коэффициент корреляции (r)	-0,7934	-0,2785	-0,3834

Первое заключение является совершенно естественным с позиций мультикультурализма, а именно с увеличением гражданско-национальной идентичности уменьшается локальная (в т.ч. этническая) идентичность и наоборот с ростом локальной, уменьшается национально-гражданственная. А это соответствует мультикультуральным интеграционистским тенденциям, и наоборот приводит к этноцентризму.

Что касается второго заключения о слабой отрицательной связности «страна-мир», то как отмечалось выше, правящие власти многих стран могут не касаться в своей политике общецивилизационных ценностей. Наряду с этим допустимо, что с увеличением идентичности «гражданско-национальной» - «страна» в некоторой мере уменьшается тенденция к позиционированию гражданами этих стран себя в качестве приверженцев общецивилизационных требований («мир») и наоборот.

Наконец, несколько неожиданным, на первый взгляд, может оказаться заключение о взаимосвязи

идентичностей «община-мир», где присутствует относительно малая, но, тем не менее, ощутимая корреляция. Одним из объяснений может служить то, что сильное изоляционистское, общинное, т.е. локальное мироощущение «закрывает глаза» на общецивилизационные проблемы и наоборот усиление общецивилизационного начала в определенной мере приводит к ослаблению «общинного бытия».

Подготовлено в Агентстве по Авторским Правам
Азербайджанской Республики

